

ТАМАРА ПЕТКЕВИЧ: «Душу я оставляю себе»

Знакомство с книгой

Тамара Владиславовна Петкевич (1920–2017)

Родилась в Петрограде.
Отец был репрессирован в 1937 году.
Ее, дочь «врага народа»,
исключили из комсомола.
В 1943 году одновременно с мужем
была арестована и незаслуженно
осуждена за контрреволюционную
деятельность на семь лет
лишения свободы. Срок отбывала
в лагерях Киргизии, Коми АССР
в Северо-железнодорожном лагере.

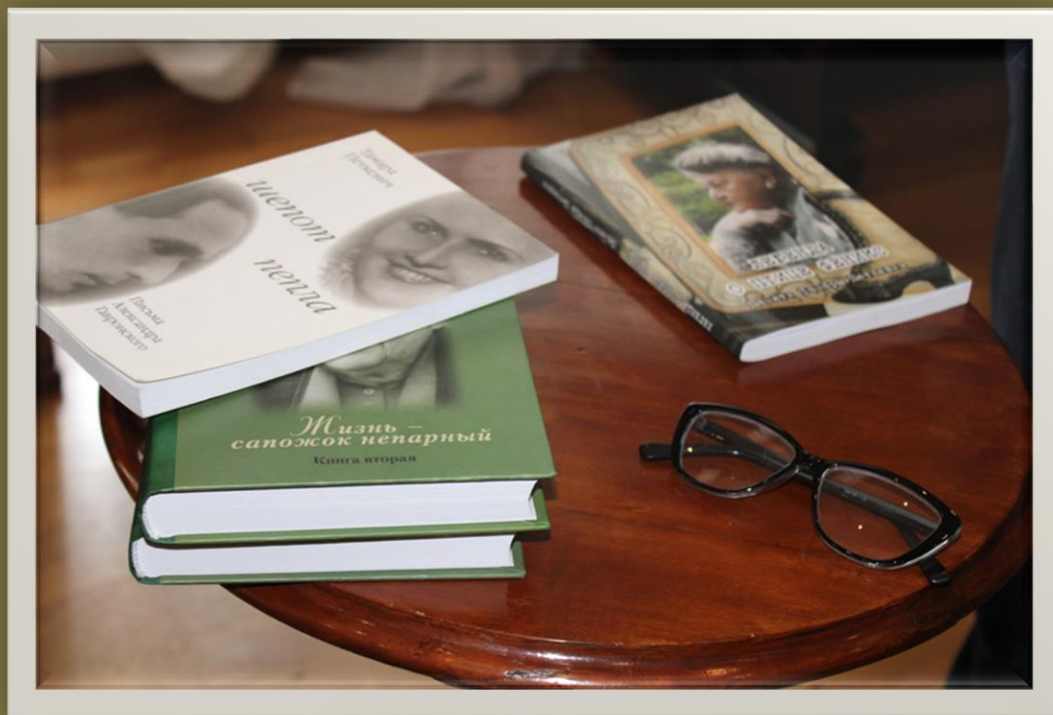
Тамара Петкевич – настоящая красавица, театральная актриса, театровед и писательница. Известность ей принесла книга **"Жизнь – сапожок непарный"**, в которой она рассказала о своей судьбе и годах, проведенных в сталинских лагерях. В ноябре 1954 года судимость с Тамары Петкевич была снята, в 1957-м она была полностью реабилитирована.

«Жизнь – сапожок непарный»

Тамара Петкевич
назвала свою книгу
«Жизнь – сапожок непарный»,
немного перефразировав
строку из стихотворения
«Молодость»
Марины Цветаевой –
«Молодость моя –
непарный сапожок».

*«Если эта повесть
затронет души тех,
кто найдет в себе желание
пройти вместе с нами
по этапам отчаяния
и надежд,
я буду полностью
вознаграждена».*

Л. Петкевич

*«Наверное, людям надо
знать, как обходиться
с трудностями. И, может
быть, это самое важное,
что я должна была
сделать в жизни».*

Тамара Петкевич

**Тамара Петкевич
после освобождения.
1950 г.**

**Только в 47 лет
она получила
высшее образование,
окончив
театроведческий
факультет
Ленинградского
государственного
института театра,
музыки и
кинематографии.**

«Да это же поминальная молива... во что вы превратили второй том? Имена, имена, имена...» — сетовал редактор и вычеркивал... Но автор отстаивала каждое имя.

КОГДА летом 1986 года по приглашению друзей я приехала в большой северный поселок Усть-Кулом, как и всякого сурово городского человека, меня поразили бескрайние лесные просторы, обилие грибов, ягод, своеобразной архитектуры, вглавом — отмирания и добронеплатность людей. Стоя на высоком берегу Вычегды и с замарашенным сердцем оглаживая таинственную беспредельность, я еще не осознавала, какой страшной трагедией полнится эти леса.

Тогда, слушая рассказы старожитов о за-

СЕГОДНЯ много написано уже о зверствах и репрессиях, но, встречая все новые примеры проявления тоталитаризма, не перестаю удивляться. В голодные послевоенные годы, окруженный со всех сторон лагерями, Усть-Кулом имел свой театр. Небольшой интернациональный коллектив был организован бывшими заключенными, опавшими селиться около больших городов, надеясь, что здесь о них наконец забудут. Об этом театре, уже свободных людей, поведала мне женщина, чью актерскую судьбу можно сегодня без всяких натяжек назвать крепостной. Тамара Владимировна Петкевич — актриса ТЭКа (театрально-эстрадного коллектива) Центральной колонии Северодорлага Коми АССР.

Молодость этой женщины прошла в лагерях. И все было в этой молодости — среднеазиатская жара и лютые северные морозы, физическое истощение и творческий поиск, встречи с прекрасными людьми и полное человеческое достоинство. Молодость сложилась в нечеловеческих условиях: под пристальным взглядом конвойных, под саркастичными взглядами старших, под проволочкой вокруг лагерьской собачки.

Первая моя встреча с лагерным театром произошла именно в Коми, а была зрительницей. Лесоповал, истощенный, цыган, газарет, и там, в лагерьской колонии, куда меня после левинских похолодков, встретилась я с ТЭКом.

Помню торжественную тишину какого-то примарожного зала — кто в чистом платице, кто с красной тарелочкой в ладошках. «Поплыли в стороны занавес из серых лагерных оде-

мерших в тайге раскулаченных семейств, прибывших сюда на поселение и фактически выброшенных на снег в лютую северную стужу, встречая в лесу заброшенные погосты — все, что осталось от этих последних нищих нежил долгие трих лет, и не думала, что через три года с новой силой зазвучит в моей жизни это название — Усть-Кулом. И от Васьки о зачеркнутых деталях, за помощью которым полагался расстрел, я впервые и свалочным помой Центральная колония Северодорлага Коми АССР в Инжи-Погосте.

Утинским или с Итинским. А начинался театр так: обычно начальник политотдела листал дела, отбирал профессиональных актеров, музыкантов, а то и просто красивых людей (еще одна из родовенных крепостных театров черт).

Наличие известных режиссеров, актеров или музыкантов во многом определяло и жанр

Тамара Владимировна Петкевич родилась в 1920 году в Петрограде. В 1937 году ее отца, директора торфяного предприятия, члена ВКП(б) с 1918 года, арестовали. (Он был реабилитирован посмертно в 1956 году). Ей пришлось оставить Институт иностранных языков и уехать во Фрунзе. Там, в 1941 году, ее арестовали прямо на лекции в Медицинском институте. По 58-й статье она получила 7 лет лишения свободы, 3 года поражения в правах. И началась новая жизнь, жизнь работницы конопли в Киргизии. Тело покрывалось множественными садящими ранками от мелких цепких колочков, раздала руки вода, покрывшая спелом белых червей. Затем работа кайлошницей в карьере. Далее север — работы на лесоповале. Тамара Владимировна, как вы стали актрисой в лагерном театре?

— Чтобы понять, как я стала актрисой, надо представить, что такое вообще был лагерный театр. Не только лицевые режимы порождало такие театры, у этого явления была своя реальная полочка. Лагерное начальство скупо одало от цивилизации и, подобно крепостникам XVIII века, придумало для себя развлечения, что с красной тарелочкой в ладошках. «Поплыли в стороны занавес из серых лагерных оде-

му времени звучала и промчалась товарищам рассказ Елены Кононенко «Имена». Рассказ этот принес мне наш бригадир Гриша Батурин. Не знаю, что диктовало этим простям, деревенским мужиком, когда он протянул мне обрывок газеты со словами: «Мы у нас интеллигентная, звучит». Могу только сказать, что я навсегда запомнила имя этого человека и сохранила добрую память о нем. Гриша Батурин отличался редкой порядочностью и никогда не обманывал при учете норм, при выдаче заработанного. В лагере это было очень важно, ведь царил полный произвол. Помню я и рассказ Елены Кононенко. Это была одна из

— Если речь идет о выживании, то в неволе степени именно это. Мы, конечно, стесались своей более легкой участи артистов, но и мы в любую минуту могли оказаться на общих работах в результате чисток, которые проводились среди артистов время от времени. Правда, из общей колонии мы могли и вернуть, когда, скажем, жены начальников окармлились, что в результате мистичный театр потерял в качестве постановок. И в этом был парадокс нашего существования.

Но вообще-то устоять помогало многое. Во-первых, нас очень ждали товарищи на глухие лагерных пунктах. Им уже давно казалось, что на земле

не может быть ни музыки, ни песни, ни рифмы. А мы привозили с собой маленький иллюзорный глоток свободы, глоток радости. Это помогало. Мне хочется, чтобы вы поняли главное, история создает неопределимые, чрезвычайно трудноценности культуры. На это уходит века, жизни поколений. И на разрушение этого была направлена вся мощь машины обличения.

Многое я могла бы вспомнить из того, чем одаривали людей. Приведу вам одно письмо художницы Маргариты Венг-Пингунной, Маргарита оказалась на общих работах. «...Я пропла у Станиславского главу «Открытие давно забытых истин из «Моя жизнь в искусстве». Он пишет о телесной свободе, экономии сил, об отсутствии всякого мышленного напряжения. Я использовала этот совет для себя. Пример я несла носилки с глиной (на носилках глины в два раза больше, чем у товарища), направленные только грудные мышцы, руки, что держат ручки носилок, а талия и ноги идут легко пружины, как в танце. Все тело пружинит по мюллеру прогибающимся доскам над мюллером ручишкой. Только таким путем я и каньельки не устану. Мне ничего не болело, мои носилки плывут, равно как я с большой тяжестью, а душа полетит как-то озорством. Костер и отдал мне не нужны. 130% нормы — моя».

— ТАМАРА Владимировна, я думаю, что сегодня, взгляды на мирные страдания нашего прошлого, нам нужно сохранить именно эти «живые слезы». В противном случае мы рискуем пережить жизнь в целых поколениях. Я слушаю ваш рассказ о лагерных театрах и думаю о том, что и моему деду, возможно, довелось встречаться в лагерях с подобным коллективом, возможно, и ему эта встреча хоть немного помогла. Он отбыл свой срок в 1941 году на лесоповале в Решетах Красноярского края.

— Скоро выйдет книга о ла-

герных театрах, ее готовят Союз театральных деятелей, представляем название — «Театры Архипелага ГУЛАГ», возможно, из нее вы узнаете, какие коллективы работали под Красноярском.

— ВАШИ воспоминания войдут в эту книгу?

— Да, там будет глава, названная мною — «Случайная профессия».

— ТАМАРА Владимировна, а как далеко ткнули за вами лагерный шлеф? Я имею в виду отношение людей, прям на работу?

— По-разному бывало. Были люди, которые не боялись помогать и заступались за тех, кто сидел в лагерях. Например, Николай Черкасов своими письмами к начальнику лагеря буквально спас жизнь Гавроноскому. Мы знали эти письма наизусть. А детская писательница Нина Гернет очень много помогала Тамаре Григорьевне Чулукидзе, замечательной грузинской актрисе, организовать кукольный театр в Севлаге для больных туберкулезом. Наш лагерь имел детприемник.

Дети заключенных, родившихся в неволе, повзрослевшие грудными в лагерь вместе с арестованными матерями, были буквально потрясены, увидев кукольного, куколку-курицу, вышедшую из лагерьской тюрьмы. Они никогда не видели этих животных в натуре. Только куколку-собаку сразу убили из всех спектаклей. Ее появление вызывало среди детей такой ужас, что их долго не могли успокоить. Так вот, Нина Гернет не только носила для спектаклей свои сказки, она высылала клеи, тряпочки, цветную бумагу, фольгу для изготовления кукол. Ведь в лагерь шептались каждая пугонца. А для левинской куколки-курицы Степки волноверные проносили в зону две голубые пугонки для глаз.

Я СМОТРУ на Тамару Владимировну и понимаю, что ей не нужны мои сочувствующие взгляды. И, увы, все, что не умна наша жалость. Они хотят лишь одного, чтобы мы сделали все возможное для того, чтобы их судбы не повторились.

И. ОБРАЗЦОВА

«КРЕПОСТНАЯ АКТРИСА»

театрального коллектива. Например: выслали Печковского — в Итинский лагерь организовали оперную труппу. У нас в лагере драматическую труппу возглавлял режиссер Александр Осипович Гавроноский. Встреча с этим человеком многое определила в моей жизни. Он окончил философский факультет Мюнхенского университета и институт Жан-Жака Руссо. С 1916 года по 1917 год работал режиссером Цюрихского театра. В России им были поставлены такие фильмы, как «Помощь черства», «Любовь», «Мост через Вилья».

Не имея актерского образования, я очень боялся, что мне не удастся встать вровень с такими профессионалами, как Николай Теслик, Ванда Мицкевич, Дмитрий Карвацкий, Игорь Хрусталев. Меня рекомендовали в театр сами заключенные «как свою актрису» — я к то-

первых попыток показать трагедию человека, вернувшегося с войны инвалидом.

— А что играли в лагерных театрах?

— В нашей труппе много играли Чехова. С ним связан и мой театральный дебют — роль Шилуиной в водевиле «Юбилей». Играли Островского. Вообще Гавроноский любил классику. Конечно, был и современный репертуар, шел «Русский вопрос» К. Симонова. Много пели. Однажды, как рассказывал директор нашего театра С. Ерикумович, пришел он к начальнику политотдела — принес репертуарный план. Тот осведомился, что это за план. Рассказал. Повзвонил и узнал, что речь идет об Авроре, — одобрил. Какого же было его изумление и негодование, когда выяснилось, что Аврора — богиня зари. Песни запретили.

— Что помогало вам выжить в лагере, участие в крепостной труппе?

Были, конечно, храбрые люди, но, к сожалению, встречалось и много. Нас, вышедших из заключения, опасались брать на работу. Режиссеры сразу отходили, узнав, откуда я. Врать я не умела, да и было это бесполезно: требовали репертуарный список, фотографии в ролях, рекомендации. Но вот однажды мне встретился режиссер шведского театра Р. Пологонкин. «У вас глаза честного человека», — сказал он, — беру вас в театр». Дальше была работа в Чебоксарах, Кишиневе. Однако театрального образования никакого толком не имела. В 40 лет я поступила в Ленинградский институт театра, музыки и кинематографии на театроведческий факультет, который закончила уже в 60-е годы. Вы спрашиваете, как далеко танулся лагерный шлеф? Так вот, институт приглашал меня остаться, но я предпочла остаться в лагере. Что помогает вам жить сегодня? Что вы можете сказать нам сегодня, на изломе — арест?

— Я думаю, что то, что пережили мы тогда, имеет прямое отношение и к сегодняшней жизни. Лагерь был, одной из форм убийства грядущих поколений и их веры. Я люблю людей, люблю очень. Мне кажется, что мы, уцелевшие, обязаны соединить времена. Я всегда помню тех, от кого не осталось даже крестов. У меня нет права забыть ни их муки, ни их страдания. Творческие способности не мало в человеке — бесконечно, душа — свободна. Молодежь должна осознавать необходимость противостояния тоталитаризму. Тоталитаризм, должна ориентироваться и на духовную сторону жизни.

И. ОБРАЗЦОВА

*«Я не мог оторваться,
я плакал, и сейчас,
когда вспоминаю свои
впечатления – это невозможно,
это невероятно. Я верю каждой
фразе, каждому слову...
Это для меня самая высокая
литература, потому что она
объединяет полную правду жизни
и невероятный талант автора...»*

Эльдар Рязанов

Даниил Гранин:

«Тамара Петкевич – явление исключительное и в нашей литературе, и в нашей истории».

Фазиль Искандер:

«За последние годы самая сильная книга – "Жизнь – сапожок непарный" Тамары Петкевич... она достойна любой премии».

Драматург Леонид Зорин:

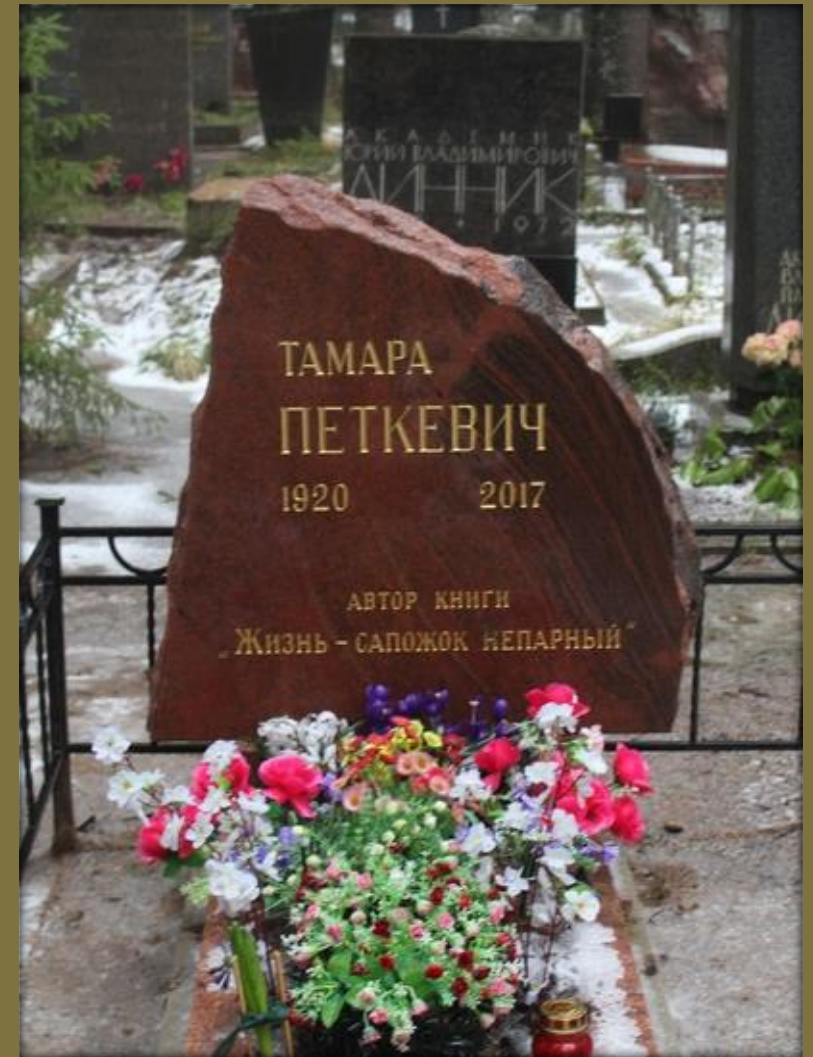
«Тамара Владиславовна одарена Богом так щедро, как мало кто на этой земле. Это удивительная личность».

21 октября 2017 года
похоронена
на Комаровском кладбище,
недалеко от могилы
Анны Ахматовой.

*«Душу я оставляю себе.
Без совладельцев!»*

Тамара Петкевич

Муниципальное бюджетное учреждение культуры
«Централизованная система общедоступных библиотек» города Брянска

Библиотека № 14

Использованная литература:

Петкевич, Т. В. Жизнь – сапожок непарный / Т. В. Петкевич.- М. : КоЛибри,
Азбука-Аттику, 2023.- 608 с.

Материал подготовила: Н. М. Мурзенкова

2024